

А-Сюй, пусть и с явным сожалением, всё же убрал свою драгоценную «добычу» обратно на чердак.

Цзян Юнянь про себя подумал: неудивительно, что А-Сюй вымахал выше всех остальных жителей деревни.

Деревня была отрезана от мира, сюда не завозили ни поросят, ни цыплят, ни утят, так что о мясе здесь давно забыли. Похоже, единственным, кто мог его отведать, был А-Сюй. В конце концов, только он мог добыть ту рыбу и только у него хватало смелости её есть.

Дом у А-Сюя небольшой, всего две комнаты. Места на всех не хватало, пришлось стелить на полу. Цзян Юнянь и Се Наньчжоу устроились вместе с Сяо Ю, прихватив с собой связанного А-Сюя. В комнате стояла всего одна кровать. Цзян Юнянь уже собирался лечь на подстилку, но Се Наньчжоу подтолкнул его к кровати.

— Ты боишься холода, ложись на кровать.

Цзян Юнянь замер. Откуда он узнал, что он мерзляк?

Сяо Ю недовольно покосилась на Цзян Юняня, сидящего на краю кровати. И лишь поймав предостерегающий взгляд Се Наньчжоу, надула губы и подвинулась, освобождая место.

Глубокой ночью Цзян Юнянь лежал на боку, глядя на Се Наньчжоу, который даже на полу умудрялся лежать идеально ровно. Он был безупречен: красив, силен, опрятен и благороден, временами проявляя властный и холодный нрав. Смелый, мудрый — он дарил удивительное чувство безопасности. Цзян Юнянь подумал: вот бы я был девушкой, может, тогда набрался бы смелости открыто добиваться любви?

Одеяла в доме А-Сюя, должно быть, не меняли целую вечность — они были жёсткими, как каменные плиты. Одно из них ещё и подстелили под низ, так что на кровати было ненамного мягче. Не в силах уснуть, Цзян Юнянь вытащил из-под подушки ту самую книгу. Событий за день произошло столько, что он так и не успел допросить А-Сюя, откуда она взялась. Может, если полистать, удастся найти какую-нибудь зацепку?

Цзян Юнянь читал страницу за страницей, внимательно изучая даже пометки на полях. Постепенно веки начали тяжелеть. И правда, для тех, кто не любит учиться, учёба — лучшее снотворное. В полудрёме он прижал книгу к груди и провалился в сон.

В тот самый момент, когда он окончательно уснул, Се Наньчжоу на полу повернул голову, глядя на размеренно дышащего Цзян Юняня. Он слегка улыбнулся, а в его глазах, отражавших звёздный свет, промелькнула нежность:

— Лишь бы это был ты.

Сон Цзян Юняня был тревожным. В ушах постоянно звучал чей-то бормочущий голос. Звук становился всё ближе и отчётливее:

— Учительница Хуан, можно я буду носить вашу фамилию?

Голос был мягким, детский.

— Конечно, можно!

Ответил ясный женский голос. Цзян Юнянь мог в деталях представить эту сцену: молодая учительница склонила голову, с любовью глядя на девочку.

— Ура! Теперь я буду Хуан Ин! Как красиво!

— Хуан Ин!

— Теперь я буду Хуан Ин!

Девочка радостно ликовала, и этот голос постепенно затих, пока не исчез вовсе.

Цзян Юняня охватил ужас. Хуан Ин?! Она взяла фамилию своей учительницы, а значит... Иероглиф, который он видел на бейджике ученика, — это был верхний элемент от фамилии Хуан. Ху-нян и есть учительница Хуан Ин!

— Цзян Юнянь, проснись!

От знакомого зова он вырвался из сна. Цзян Юнянь сидел на кровати, всё ещё не в силах прийти в себя после бури мыслей. Он был почти уверен: этот сон — подсказка от Ху-нян. Но зачем ей подсказывать? Он смутно припомнил их вторую встречу, когда она снова и снова спрашивала: «Ты пришёл, чтобы забрать меня домой?»

Домой? Вернуться? В Моцуне не было студентов, Ху-нян не местная. Она была заперта здесь. Она хотела уйти, но не могла! Может, Ху-нян вовсе не враг?

— Брат Се, он что, одержим? — Сяо Ю, видя, как меняется лицо Цзян Юняня, испуганно спряталась за спину Се Наньчжоу.

— Он думает. Не мешай ему.

Все молча вышли из комнаты, оставив Се Наньчжоу сидеть на краю кровати с закрытыми глазами в ожидании.

Как только Цзян Юнянь пришёл в себя, он первым делом начал искать глазами Се Наньчжоу.

— Се Наньчжоу!

Обнаружив, что тот сидит рядом, он выдохнул:

— Я здесь.

— Се Наньчжоу, кажется, мы всё это время упускали нечто важное.

Се Наньчжоу подвинулся ближе, приглашая продолжать. Цзян Юнянь, поглощённый догадками, даже не заметил, как близко оказался к нему.

— Когда я во второй раз увидел Ху-нян во сне, она заставила меня пообещать, что я отвезу её домой.

Се Наньчжоу смотрел на его губы и небрежно спросил:

— И ты пообещал?

— Да.

Цзян Юнянь изложил свой анализ, связав сон с остальными уликами.

— Значит, ты подозреваешь, что жители деревни держат её здесь насильно? А машины останавливаются, потому что Ху-нян просит о помощи, желая вернуться домой?

Се Наньчжоу понял его мысль, но вопросов оставалось слишком много, и всё требовало доказательств. Кто был заперт в подвале? Почему из подвала вёл подземный ход прямо на кухню старосты? Почему Ху-нян так выделяла А-Сюя? Куда подевались остальные жители деревни? Всё это оставалось загадкой.

Все сидели за каменным столом в доме А-Сюя в ожидании маньтоу. А-Сюй встал до рассвета, чтобы приготовить завтрак — гостеприимства ему было не занимать. Правда, от его вынужденного гостеприимства пострадал и Се Наньчжоу: раз уж они решили связать А-Сюя, то, как бы им того ни хотелось, пришлось его развязать, чтобы он мог готовить.

Когда А-Сюй раздул огонь в печи, Се Наньчжоу сел на скамейку у самого очага, время от времени подбрасывая дрова.

— Не ожидал, что ты умеешь разводить огонь! Хе-хе! — А-Сюй простодушно месил тесто. Он не думал, что такой утончённый человек, как Се Наньчжоу, способен на подобную работу.

Се Наньчжоу лишь слегка улыбнулся, не отвечая. Пляшущие языки пламени придали его холодному лицу немного тепла. К счастью, готовил А-Сюй неплохо: Сяо Ю умяла сразу три маньтоу. За завтраком все перекинулись парой фраз и поняли, что А-Сюй не такой уж плохой человек — просто глуповат.

После еды Цзян Юнянь снова достал книгу. Теперь А-Сюй был готов к допросу.

— А-Сюй, ты говорил, что Ху-нян — твой друг. Мы пришли сюда, чтобы помочь ей переродиться, тогда и проблемы деревни решатся сами собой. Нам нужно, чтобы ты нам помог.

А-Сюй не раздумывал и сразу согласился. После вчерашнего дня он понял, что эти люди неплохие, и не хотел их смерти.

— Откуда эта книга?

Цзян Юнянь всё не мог отделаться от мысли, что раз А-Сюй так дорожит этой вещью, на то есть причина.

А-Сюй застенчиво почесал затылок и заулыбался:

— Это... это подарок Ху-нян. Она сказала, что это единственное, что она могла мне подарить.